

Сорокина Ольга Сергеевна

соискатель кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук факультета технологического менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

СМЕНА КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ В ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТОТАЛИТАРНЫХ РЕЖИМОВ КАК ПРИЧИНА КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ

Аннотация:

В центре внимания статьи находятся характеристики тоталитаризма в Италии и Германии как культурного феномена. Основополагающей чертой тоталитаризма признано то, что он явился причиной резкой смены устоявшейся культурной парадигмы, приведшей к культурной травме. Проанализирован процесс разрыва прежней культурной парадигмы, результаты данного процесса сопоставлены с основными характерными чертами культурной травмы, выявлены основные итоги рассматриваемого процесса.

Ключевые слова:

тоталитаризм, тоталитарный режим, нацизм, фашизм, культурная парадигма, культурная травма, культура Италии, культура Германии.

Sorokina Olga Sergeevna

PhD applicant, Cultural Studies, Philosophy and Aesthetics Department, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Assistant, Social Sciences and Humanities Department, St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

CHANGING OF THE CULTURAL PARADIGM IN ITALY AND GERMANY AFTER THE ESTABLISHMENT OF TOTALITARIAN REGIMES AS A CAUSE OF THE CULTURAL TRAUMA

Summary:

The article deals with the totalitarianism features in Italy and Germany as a cultural phenomenon. The author believes that the most important aspect of the totalitarianism is the fact that it had been the cause of the rapid change of the traditional cultural paradigm that led to the cultural trauma. The research has analysed the process of breaking of the previous cultural paradigm, the results of this process are compared with the main characteristics of the cultural trauma, and the main outcomes are reviewed.

Keywords:

totalitarianism, totalitarian regime, Nazism, fascism, cultural paradigm, cultural trauma, Italian culture, German culture.

В настоящее время проблема научного анализа и осмысления тоталитаризма как сложного многоаспектного феномена становится все более важной и актуальной. Понимание причин возникновения тоталитаризма в Европе, его сущности, закономерностей развития и судьбы чрезвычайно важно для более четкого представления логики исторического и культурного развития не только Италии и Германии, но и других европейских государств, а также всего мирового сообщества в целом. Наиболее важным аспектом в современных исследованиях европейского тоталитаризма, в частности тоталитаризма в Италии и Германии, является осмысление его как целостного состоявшегося явления, глубоко проникшего в политическую, социальную и культурную сферы.

В центре внимания статьи находятся основополагающие характеристики тоталитаризма как культурного феномена, – анализ именно с этой точки зрения является перспективным и активно разрабатываемым направлением культурологических исследований и позволяет глубоко изучить и осмыслить изменения в ткани культуры тоталитарных государств, а также дает более основательное понимание современной культурной ситуации в странах, перенесших господство тоталитарных режимов, и обеспечивает целостное видение общих законов культурного развития.

Основополагающей характеристикой тоталитаризма в Италии и Германии как культурного феномена является то, что он стал причиной резкой смены устоявшейся культурной парадигмы, приведшей в свою очередь к культурной травме. На сегодняшний день существует несколько интерпретаций понятия культурной парадигмы как социокультурного феномена. Выделяют литературоведческий, искусствоведческий, политологический, религиоведческий и лингвистический аспекты. Обобщая данные подходы, можно сказать, что культурная парадигма – это сложное многофакторное явление, направляющее развитие культуры и отражающее его особенности. В основе каждой устойчивой культурной парадигмы лежит культурный код, определяющий модель образа жизни и способ мировосприятия, присущий данной культуре. В целом культурную парадигму можно определить как человеческую матрицу мировосприятия, ведущий способ структу-

рирования материального мира. Одновременно с этим культурная парадигма является кодом доступа к культурной традиции и формой духовной связи между различными поколениями в каждой определенной культуре [1, с. 26]. Основываясь на данном определении культурной парадигмы, выявим и проанализируем процесс резкой смены устойчивой культурной парадигмы в Италии и Германии после установления тоталитарных режимов, проявившийся в форме культурной травмы.

Любое серьезное социальное изменение имеет важные отличительные черты. В его основе лежит творческая коллективная активность общности, где впоследствии произойдет изменение. Каждое текущее состояние общности обуславливается предшествующими социальными изменениями. Воздействие предыдущего социального изменения на будущий потенциал общности может быть как позитивным и предоставить новые возможности и пути для дальнейшего развития, так и негативным, что повлечет регресс в развитии общности. Каждое социальное изменение имеет определенные скорость и ритм, неодинаковые в разных областях социальной жизни, но в любом случае оно оказывает огромное влияние на общность, определяя основные направления развития, а также то, каким – прогрессивным или регрессивным – будет это развитие.

Сфера культуры отличается от других сфер социальной жизни наибольшей инерционностью. В ней изменения подготавливаются постепенно и протекают медленно, прежние условия сохраняются длительное время, поддерживая устойчивую культурную парадигму. Проникновение изменений в культуру и ставший очевидным результат их действия являются самыми важными показателями того, что общность полностью находится во власти данного изменения и дальнейшее его развитие будет обусловлено им. В теории социального изменения культура играет двойную роль: с одной стороны, она выступает как среда изменения, где происходят перемены, где меняются ценности, идеалы, образцы; с другой стороны, она и есть сам объект происходящих изменений. В связи с этим изменение культурной парадигмы выступает важнейшей составляющей социального изменения в целом и ключевым его индикатором.

Далеко не каждое последствие социально-культурного изменения можно назвать культурной травмой. Наиболее четкое и последовательное определение и глубокий анализ понятия культурной травмы были произведены известным польским социологом Петром Штомпой. Согласно П. Штомпе, культурная травма – это патологическое состояние культуры, которое проявляется при определенных структурных и культурных обстоятельствах [2, с. 8]. Центральным моментом в определении культурной травмы выступает несогласованность в социальной структуре, раскол, конфликт между культурным контекстом, ценностями, нормами и социальным действием.

Обратимся к рассмотрению основных аспектов культурной ситуации в Италии и Германии после установления тоталитарных режимов, чтобы проанализировать процесс резкой смены прежней культурной парадигмы и, соотнеся результаты данного процесса с основными характеристиками культурной травмы, выявить его итоги.

Устойчивая культурная парадигма всегда предполагает наличие общей положительной социокультурной эмоции, общего активного жизненного настроения, необходимого для гармоничного развития культуры. Глубокая дезорганизация, несогласованность в социальной структуре и всех сферах культуры, потеря стабильности являются яркими индикаторами разрушительных изменений в ткани культурной парадигмы и первыми симптомами культурной травмы.

Именно эти черты можно было наблюдать в Италии и Германии после завершения Первой мировой войны. Согласно Х. Ортега-и-Гассету, поздняя стадия развития капитализма рубежа XIX–XX вв. привела к избыточности в различных сферах жизни общества [3, с. 47] и тем самым к усилению всех негативных черт капитализма, повлекла за собой крушение устоявшейся классовой системы и разрушение устойчивых социальных связей. Данные явления наблюдались во многих европейских странах, но именно в Италии и Германии они были многократно усилены догоняющим типом экономического развития, присущим им со второй половины XIX в. после позднего объединения этих государств, а также печальными и разорительными для обеих стран итогами Первой мировой войны (как в экономическом, так и в социальном, культурном и моральном плане). После Первой мировой войны оба государства оказались в тяжелейшем положении, из которого, казалось, не было выхода.

Страх, потерянности, неопределенность, чувство собственной незначительности, царившие в обществе, только усугубляли ситуацию. Человек, находящийся в столь неопределенной ситуации, всегда стремится найти опору в тех или иных устойчивых культурных ориентирах, при необходимости создавая совершенно новые. Это естественный процесс, так как особенности мировосприятия той или иной культуры, отличительные черты социокультурной эпохи формируют и одновременно сами обуславливаются определенными идеями и мифами. Миф лежит в основе государства, религии, культуры, он необходим, чтобы интегрировать, а также снимать накапливающиеся противоречия [4, с. 7]. Тоталитарный режим в Италии и Германии был установлен в благоприятных для его развития и укрепления условиях массового общества, социальными и

культурными характеристиками которого являются стремление к уравниванию условий жизни, стирание классовых границ, разрушение прежних социальных связей, кризис идентичности. В таких условиях общество как раз и требует утверждения новых компенсирующих и консолидирующих мифологем.

Раскол и противоречивость в культуре Италии и Германии перед установлением тоталитарного режима и в первые годы после его установления явились благоприятными для появления травмы структурными и культурными предпосылками. С установлением тоталитарных режимов в Италии и Германии естественно возникающий культурный миф был стерт: его заменил миф, искусственно созданный для массы, неспособной критически осмысливать происходящее, что особенно ярко подчеркивает разрыв устойчивой культурной парадигмы. Этот новый миф был построен вокруг тоталитарной идеологии, которая с течением времени становилась все более простой, а суть ее сводилась к нескольким простым тезисам.

В Германии краеугольным камнем нацистской идеологии стала идея создания тысячелетнего рейха и утверждения господства германской нации в остальном мире. Произошло слияние понятий нации и национального государства, в результате чего государство стало рассматриваться как юридическое воплощение нации, ответственное за ее цели и интересы. Однако слияние этим не исчерпывалось. Глубоко в основании создаваемого Третьего рейха лежало желание образовать идеальное государство, которое могло бы достигнуть гармонии материальных и духовных составляющих жизни, устранить любые противоречия. Часто идеальному государству приписывают значение высшей нравственной основы. Так произошло и в Германии, где, согласно идеологии нацизма, считалось, что моральное совершенствование людей неразрывно связано с совершенствованием общества, моральное реформирование полагалось возможным осуществлять политическими средствами.

В Италии все складывалось несколько по-другому. Фашизм также говорил о величии собственной нации и необходимости возрождения Римской империи, но идея сильного итальянского государства как такового оказывалась выше идеи нации, слияния нации и национального государства не подразумевалось и не происходило. Устремления фашистов наилучшим образом иллюстрирует афоризм Б. Муссолини: «Все внутри государства, ничего вне государства и ничего против государства» [5, с. 14].

Несмотря на существовавшие различия, новый культурный миф, выстроенный вокруг тоталитарной идеологии, сфокусировал внимание на национальном начале и уничтожил смысл социального и индивидуального начала, столь важного в культуре таких западноевропейских стран, как Италия и Германия.

Устойчивая культурная парадигма, согласно П. Штомпке, всегда предполагает общность жизни, судьбы, культурно-исторической миссии всех субъектов общества, признание их одинаковой значимости для развития культуры. Событиями, разрывающими устоявшийся ритм политической и культурной жизни и ее ценности, разрушающими ткань культурной парадигмы, могут стать проигранная война, государственный переворот, уличные бунты, крах рынка, принудительная депортация части населения, насилие по отношению к тем, кто имеет противоположные политические взгляды и убеждения, массовые убийства. Без сомнений, перечисленные выше события имели место в Италии и Германии накануне и в особенности после установления власти тоталитарных режимов. Жестокая борьба с оппозицией, акты насилия, террор в Италии и Германии, депортация еврейского населения из Германии – все эти в равной мере шокирующие события, характеризовавшиеся неожиданностью и быстротой и затрагивавшие важнейшие жизненные основы, стали потенциально травматическими ситуациями, приведшими в итоге к культурной травме. Новый тоталитарный культурный миф, призванный выступить консолидирующей силой и послужить катализатором развития новой, искусственно созданной культурной парадигмы в целях установления всестороннего контроля над культурой, ярко проявил свой деструктивный характер, нарушив баланс между индивидуально-личностным и социальным, отвергнув плюрализм как важнейший фундамент культурного развития в Италии и Германии – странах, плюралистичность культуры которых всегда была определяющей силой их развития. Наряду с отрицанием плюрализма тоталитаризм утвердил нигилизм в отношении предшествующей культурной традиции и полностью переосмыслил роль человека как субъекта культуры.

Прочным фундаментом культурной парадигмы является целостное и развитое самосознание субъекта культуры, связанное с обретением самоидентичности, истинных смыслов своего социокультурного бытия. Культурная парадигма предоставляет особую ценностную иерархию, целостную систему значимых базовых ориентиров, смыслов и ценностей определенной культуры. Важнейшую роль в развитии культуры в ту или иную эпоху играет единый символический ряд – так называемый набор «паролей» эпохи [6, с. 29], общий тип семиотических отношений и смыслов, общая семиотическая среда, тесно связанная с предыдущей культурной традицией,

органичным образом вытекающая из нее. В Италии и Германии после установления тоталитарных режимов, напротив, со всей ясностью проявился глубокий политический, социальный и культурный раскол. Имели место ярко выраженная дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире и полный разрыв с предшествующей культурной традицией. Все эти черты, характеризующие разрыв культурной парадигмы, представляют собой наиболее достоверные симптомы культурной травмы. При этом величина воздействия травмы на общность зависит от относительного уровня раскола с предшествующей культурной традицией и от того, насколько травма затрагивает сферу базовых ценностей [7, с. 12].

П. Штомпка отмечает, что культурная травма возникает, как правило, когда какие-либо события начинают интерпретироваться как абсолютно не соответствующие ключевым ценностям, когда факты прошлого объявляются не соответствующими базовым ценностям новой культуры. Фашизм в Италии и нацизм в Германии стремились построить новую реальность, полностью разрушив старую, порвав связи с ней. В течение многих веков для культур Италии и Германии важна была преемственность. Италия сохраняла ценности, которые были созданы римской культурой. Германия хранила ценности нибелунгов, Священной Римской империи, германской нации, Реформации и эпохи Просвещения.

Многие философы, глубоко изучившие проблему культуры, ее существования и развития, писали о необходимости преемственности для поддержания жизни культуры. Г.В.Ф. Гегель говорил о том, что полноценное развитие человеческого общества возможно лишь при движении вперед с вбиранием всего ценного из прошлых периодов развития. О. Шпенглер писал о том, что для полноценного развития каждой культуры, в том числе и западного типа, необходимо включение в будущее полного опыта своей истории, что становление и ставшее – все в культуре нужно изучать одновременно. Становление лежит в основе ставшего [8, с. 293], ставшее делает становление более осмысленным и глубоким. Также он отмечал, что важными ценностями западного типа культуры являются индивидуализм, стремление непрерывно развиваться и самосовершенствоваться. Х. Ортега-и-Гассет писал, что будущее культуры возможно только в том случае, когда оно вмещает в себя все прошлое целиком, иначе произойдет неминуемый регресс в развитии, возврат к варварству, к той простоте, которая не знала прошлого или забыла его. Фашизм и нацизм же представляют собой движение вспять: и не столько по смыслу своих учений – в любой доктрине есть доля истины, – сколько по тому, насколько допотопно, антиисторически используют они свою долю истины [9, с. 84].

Тоталитарные режимы в Италии и Германии желали воздвигнуть новые основания культуры без фундамента, становление нового должно было произойти только после полного разрушения ставшего и уничтожения прежних ценностей. Британский историк и культуролог А.Дж. Тойнби в своей книге «Постижение истории» определяет такие действия как архаизмы, характерной чертой которых является возрождение с патологическими извращениями [10, с. 431].

Ярким примером архаизма в культуре является культ примитивного тевтонства, который стал идейной опорой и основой нового культурного мифа в тоталитарной Германии. Идеологами из истории был выхвачен некий сюжет (величие Римской империи – в Италии, мужество и слава немецких рыцарей – в Германии), и, направив свои усилия на искажение и разрушение остального, они стремились создать новые ценности и основание новой культуры, опираясь лишь на маленький фрагмент истории, не учитывая культурный и исторический контекст.

Архаизм в культуре Италии и Германии, который был привнесен тоталитарным режимом, широко распространился на другие области культуры. Ярким примером архаизма в языке, который всегда отражает все глубинные процессы в культуре, стала языковая политика фашизма, заключавшаяся в том, чтобы на всей территории Италии, даже в областях, смежных с Австрией и Францией и имеющих свою уникальную культурную историю, объявить единственным официальным языком итальянский и дать новые названия латинского происхождения тем городам, наименования которых имели немецкое, французское или иное происхождение [11, р. 112]. Кроме того, фашистское правительство всеми силами стремилось укоренить в общественной жизни, а также в личном повседневном общении людей во многом искусственный, чрезмерно пышный язык с использованием устаревших слов – это явление получило название «даннунцианство» по имени поэта Габриэле Д'Аннунцио. Схожие изменения претерпевал в это же время и немецкий язык. В связи с этим уместно будет вспомнить высказывание рейхсминистра народного просвещения и пропаганды, президента Имперской палаты культуры Й. Геббельса: «Мы говорим не для того, чтобы что-то сказать, а для того, чтобы получить определенный эффект» [12, с. 190].

Кроме архаизмов, случайно вырванных из общего контекста истории, тоталитарные режимы в Италии и Германии устанавливали разрыв с прошлым в культуре с помощью футуризма. Это противоположное архаизму явление, направленное на разрыв связи с настоящим через об-

ращение к будущему. Футуризм отрицает настоящее, вместо того чтобы жить им, а не предаваться напрасным мечтаниям в ожидании будущего [13, с. 447]. В светской культуре и религии такой разрыв с настоящим лучше всего виден в процедуре сожжения книг в нацистской Германии: с марта по октябрь 1933 г. во многих городах Германии на центральных площадях проходило публичное сожжение книг, не соответствовавших духу нацистской идеологии и таивших угрозу проекту нового социального порядка. В Италии стремились ввести абсолютно новую организацию повседневной жизни: новый распорядок труда и физических занятий, абсолютно новую моду, подчеркивавшую единство итальянской нации. Произошла даже регламентация движения по тротуарам городских улиц по строго выделенной разметке.

Язык в тоталитарных Италии и Германии, наравне с искусством, наукой, образованием и воспитанием, изменил свой статус как формы духовной культуры. Дж. Боттаи, теоретик фашистского корпоративизма, будучи министром образования Италии, решительно требовал фашистской школы, фашистской педагогики, фашистского обучения, чтобы создавать фашистского человека – тысячи за тысячами [14, с. 187]. Была произведена тотальная реорганизация искусства и образования: организованы подконтрольные тоталитарной партии творческие союзы, министерство народного просвещения и пропаганды, в Германии появилась Имперская палата культуры, которая в свою очередь подразделялась на семь специализированных палат. Акцент неминуемо сместился в сторону подчинения государству, государственной идеологии и служения народу.

Судьбы художников, поэтов, писателей, учителей и преподавателей в Италии и Германии, стремившихся в своем творчестве, в своей профессии поддержать индивидуальное начало, возродить и сохранить культурные ценности, после установления тоталитарных режимов оказывались весьма схожи и трагичны. Искусство должно было быть простым и понятным массе, оно становилось надежным и излюбленным средством распространения тоталитарной идеологии. Новое тоталитарное искусство и новая педагогика должны были сформировать абсолютно нового человека. Активное физическое действие пришло на смену творческому созиданию: лидеры, борцы, творцы истории должны были занять место в центре официоза тоталитарной художественной культуры. Подлинный художник, указывал фюрер, должен сделать свое искусство орудием борьбы за будущее и поставить его на службу народу [15, с. 84]. Отражать идеалы государства, быть правдоподобным – таковыми стали основные цели искусства. Художник и учитель в своем творчестве и профессии оказались полностью зависимыми от партии и государства.

Подверглась переоценке роль культуры в обществе и жизни каждого человека: она перестала быть значимой сферой и фактором бытия человека, а превратилась в инструмент борьбы за будущее. Человек перестал выступать субъектом и объектом культуры, в системе тоталитарного государства он оказался лишь средством, материалом, функциональной единицей, человеческая жизнь была обесценена. Основной задачей современности было провозглашено движение к культурному идеалу, который исповедовал нацизм или фашизм: тоталитаризм целиком и полностью был ориентирован на будущее. В результате человек идентифицировал себя как человека «переходной эпохи», практически уничтожая значимость настоящего и в гораздо большей степени признавая свою ответственность за будущее. Возникновение новой тоталитарной культурной парадигмы, когда бытие человека трактовалось как связующее звено между «героическим», мифологизированным прошлым и попыткой установления культурной традиции прошлого в будущем, привело к антропологической катастрофе. Человек осознавал себя неким «посредником», еще не «сверхчеловеком», поскольку он не достиг физического и культурного совершенства предков. Он выступал деятелем, жертвующим собой во имя будущего и с легкостью прощающим себе издержки собственной бесчеловечности [16, с. 38].

Культурная парадигма – это равновесие между двумя альтернативными мирами: миром единичного уникального, где доминирует личностно-индивидуальное начало, и миром социального с присущими ему закономерностями. Тоталитаризм в Италии и Германии уничтожил уникальность обоих этих миров и их взаимодействие, полным разрывом с предшествующей культурной традицией и искусственными вливаниями толкнув культуры на путь тупикового развития. Изменения культурной парадигмы всегда происходят через своеобразный «естественно-культурный» отбор, который выражается в живом взаимодействии устоявшихся традиций и инноваций в культуре.

Без сомнения, тоталитаризм стал значимым явлением в культуре Италии и Германии со множеством индивидуальных характеристик и особенностей, затронув основы культур. Его культурная политика вызвала разрушение целостной культурной парадигмы, замену ее парадигмой спонтанной и искусственной, что послужило причиной серьезной и глубокой культурной травмы. Важно подчеркнуть, что культурная травма обладает сильнейшей инерцией и продолжает существовать в течение долгих лет. Она поражает аксиологические компоненты: ценности, нормы, правила, стили, вкусы, и когнитивные компоненты: верования, убеждения, доктрины. Культурная

травма характеризуется кризисом идентичности, который часто сопровождается чувством коллективной вины и стыда, и усилием сконструировать новую коллективную идентичность.

Ссылки:

1. Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа. Волгоград, 1998.
2. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М., 2008.
4. Гаджиев К.С. Масса, миф, государство // Вопросы философии. 2006. № 6.
5. Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века // Там же. 1992. № 2.
6. Бакач Н.Б. Указ. соч. С. 29.
7. Штомпка П. Указ. соч. С. 12.
8. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1.
9. Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 84.
10. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 2006.
11. Klein G. La politica linguistica del fascismo. Vol. 26 di Studi linguistici e semiologici. Il Mulino, 1986.
12. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. М., 1994.
13. Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 447.
14. Голомшток И.Н. Указ. соч. С. 187.
15. Там же. С. 84.
16. Сахибгоряев В.Х. Фашизм как явление и концепция философии культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2008.

References:

- Bakach, NB 1998, *The cultural paradigm as an object of social and philosophical analysis*, Volgograd, (in Russian).
- Gadzhiev, KS 1992, 'Totalitarianism as a phenomenon of the XX century', *Voprosy filosofii*, no. 2, (in Russian).
- Gadzhiev, KS 2006, 'Weight myth State', *Voprosy filosofii*, no. 6, (in Russian).
- Golomshtok, IN 1994, *Totalitarian Art*, Moscow, (in Russian).
- Klein, G 1986, *La politica linguistica del fascismo. Vol. 26 di Studi linguistici e semiologici. Il Mulino*, (in Russian).
- Ortega-Gasset, H 2008, 'Revolt of the Masses', *Ortega-i-Gasset KH. Vosstaniye mass. Degumanizatsiya iskusstva. Beskhrebetnaya Ispaniya*, Moscow, (in Russian).
- Sahibgoryaev, WH 2008, *Fascism as a phenomenon and the concept of the philosophy of culture*: D.Phil. thesis abstract, Rostov n / D, (in Russian).
- Spengler, O 1993, *Decline of the West*, Moscow, vol. 1, (in Russian).
- Sztompka, P 2001, 'Social change as trauma', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 1, (in Russian).
- Toynbee, AJ 2006, *A Study of History*, Moscow, (in Russian).